

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕНОЦИДА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.А. Тишков

Институт географии РАН, Москва, Россия

Эл. почта: tishkov@igras.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; принята к печати 06.03.2026

Рассмотрены вопросы географии геноцида на оккупированных в период Великой Отечественной Войны территориях СССР. Спустя 80 лет страна вернулась к этой проблеме с позиций выявления размаха явления. Истинные масштабы геноцида стали вскрываться только в XXI веке по мере открытия архивных материалов, работы поисковых групп и деятельности специальных комиссий Прокуратуры Российской Федерации. Показано, что политико-географические основы геноцида населения СССР были изначально заложены в государственной военной доктрине Германии и стран Третьего Рейха, базировавшейся на учении географов К. Хаусхофера и Ф. Ратцеля, которые последовательно определяли будущее место Германии в геополитическом пространстве за счет военной экспансии и истребления гражданского населения Европейской части СССР. Подтверждается важная роль географии в оценке последствий и в анализе распространения геноцида, которые не могут сводиться только к ретроспективному уточнению статистики потерь. Выявлены пространственные особенности геноцида на оккупированных землях СССР (8,7% территории, 1,926 млн. км² с населением на 1941 год 84,852 млн. человек — 44,5% всего населения СССР). Анализ подтвердил, что проявления геноцида не были связаны непосредственно с продолжительностью оккупации, не носили стихийный характер, а состояли в осознанном и систематическом истреблении местного населения, заложенном в военную стратегию фашистской Германии, и имели четкие пространственные ориентиры — «освобождение жизненного пространства» — и нацистскую основу.

Ключевые слова: геноцид советского народа, Холокост, Нюрнбергский трибунал, оккупированные территории, политико-географические основы, геополитическое пространство, рейхскомиссариаты, коллаборационисты, Белорусская ССР, Украинская ССР, северо-запад РСФСР, блокада Ленинграда.

THE GEOGRAPHICAL AND POLITICAL ASPECTS OF THE GENOCIDE OF THE CIVILIAN POPULATION OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A.A. Tishkov

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Email: tishkov@igras.ru

The issues of geography of genocide in the occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War are considered. Eighty years later, Russia has returned to this issue in order to assess the extent of the phenomenon. The true scale of genocide started to be revealed only in the twenty-first century after archival materials have been published and the activities of search teams and special commissions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation were disclosed. It is shown that the political-geographical foundations of the genocide of the population of the USSR were originally laid down in the state military doctrine of Germany and the countries of the Third Reich, based on the teachings of the geographers K. Haushofer and F. Ratzel, which consistently determined Germany's future place in the geopolitical space as achievable by military expansion at the expense of extermination of the civilian population of the European part of the USSR. The important role of geography in assessing the consequences and in analyzing the spread of genocide, which cannot be reduced to the retrospective clarification of loss statistics, is reaffirmed. The spatial features of genocide in the occupied lands of the USSR (8.7% of the territory, which makes 1,926 million km², with a population of 84,852 million in 1941, which makes 44.5% of the total population of the USSR) are revealed. The analysis confirms that the manifestations of genocide were not related directly to the duration of the occupation, nor were they spontaneous by their nature, but consisted of the deliberate and systematic extermination of the local population, as this is embedded in the military strategy of fascist Germany, and had clear spatial orientations — "living space liberation", and that their basis was Nazi.

Keywords: genocide of the Soviet people, the Holocaust, Nuremberg Tribunal, occupied territories, political and geographical foundations, geopolitical space, Reichskommissariats, collaborators, the Byelorussian SSR, the Ukrainian SSR, the north-west of the RSFSR, the Siege of Leningrad.

Введение

С 1 января 2026 года вступил в силу Закон «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»¹. В 2025 году в России отмечали 80-летие Великой Победы, а ранее – в 2022 году – 80-летие создания «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)». Комиссия работала почти 10 лет (до 1951 года), собрала более 250 тыс. свидетельств о преступлениях нацистов, составила 56 тыс. актов о совершённых ими злодеяниях на оккупированных территориях Советского Союза. В рамках работы ЧГК в 1943–1947 годах было проведено более 20 крупных судебных процессов в разных городах СССР – Харькове, Краснодаре, Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске и др. – над нацистами и их пособниками, совершившими преступления против местного населения. □ На момент прекращения деятельности комиссии было известно об уничтожении миллионов мирных жителей оккупированных территорий, что уже тогда, с учетом наследия Нюрнбергского процесса, можно было приравнять к преступлениям геноцида. Однако до сих пор для оценки потерь гражданского населения в 1941–1944 годов на оккупированных территориях надежная статистика отсутствует. Ежегодно в результате обнаружения и вскрытия новых захоронений войны и рассекречивания архивных материалов всплывают новые факты.

То, что научными вопросами геноцида занимаются преимущественно историки, наводит на мысль, что и оценки потерь, и характер самого явления на оккупированных территориях СССР будут сводиться к статистике и хронологии событий без учета важнейших политико-географических заключений. В материалах Нюрнбергского трибунала однозначно отмечено, что геноцид это «... преднамеренное и систематическое истребление расовых и национальных групп гражданского населения на *определённых оккупированных территориях...*» (п. С, ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала), а в Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» (1948) выделена необходимость судебного разбирательства именно *на территориях, где совершено преступление*, что и происходило в СССР сразу после ВОВ. В последние годы в связи с активным вовлечением в анализ новых материалов по географии мест массовых казней местного населения в период оккупации картина геноцида становится все более масштабной и существенно дополняет данные ЧГК конца 1940-х годов.

¹ https://khorinsk.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1277.html

Этому способствует и рассекречивание материалов расследований по случаям геноцида, которые были представлены обществу к 70-летию и 80-летию Великой Победы. В 2025 году Генеральная прокуратура Российской Федерации объявила об издании 2-томного «Сборника материалов» [1] о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР.¹

Отметим также, что комплексно, с привлечением статистических и пространственных данных обо всех случаях проявления геноцида на оккупированных территориях СССР в период 1941–1945 годов даже **в объемных трудах о потерях в Великой Отечественной Войне [2] вопрос геноцида с политико-географических позиций не рассмотрен**. Исключение составляют детальнейшие сведения о холокосте на оккупированных землях [3, 4] с картами, пространственной привязкой всех случаев проявления и статистическими данными, подтвержденными соответствующими архивными документами.

Сравнительно полно к 80-летию Великой Победы вопрос рассмотрен и в отношении мирного населения Белорусской ССР, наиболее пострадавшей от немецких, литовских и украинских карателей в период Великой отечественной войны, где 3 млн местного населения было убито в рамках карательных операций (140), в лагерях (около 260) и в гетто, сожжено 9500 сел и деревень, полностью разрушено 200 городов [5].

Много новых уникальных данных получено в отношении местного русского населения оккупированной Карелии, более 20% которого оказалось в период 1941–1944 годов именно по расовым признакам в 100 концентрационных лагерях, около 86 тысяч – были убиты и погибли от истязаний и голода [6]. В последние годы стала более полно выявляться картина геноцида населения Крымской АССР, где нацисты и их пособники в период оккупации уничтожили практически каждого десятого мирного жителя [7, 8]. По большинству оккупированных регионов данные по пространственным масштабам и закономерностям геноцида мирного населения, несмотря на то, что прошло более 80 лет, до сих пор остаются не полными и ежегодно уточняются. Яркий пример – ситуация на оккупированных землях древнего российского региона – Новгородской области (в годы оккупации большая часть территории входила в состав Ленинградской области), где тысячи населенных пунктов, включая Новгород, были полностью уничтожены, а

население (около 300 тысяч) истреблено немецкими, испанскими, литовскими, латышскими и эстонскими карателями или угнано в Германию, Эстонию и Латвию [9, 10].

Цель настоящей статьи – используя исторические² и современные^{3,4} данные о геноциде местного населения на оккупированных территориях СССР выявить его географические особенности, пространственные масштабы и закономерности и обосновать необходимость дальнейшего его рассмотрения как научной политико-географической проблемы.

Уточним, что следует различать прямые геноцидные действия – целенаправленное уничтожение населения оккупированных территорий, и ущерб населению, вызванный направленным разрушением природной среды и экологическими последствиями военных действий. К сожалению, получить такие данные ретроспективно невозможно, но пример современной ситуации на Донбассе и Новороссии показывает, что и эти вопросы важны при рассмотрении географических аспектов геноцида.

Статистика и расчеты потерь мирного населения на оккупированных землях

Данному вопросу посвящены публикации [11–15] и многие другие. Накануне 80-летия Великой Победы уточнения статистики потерь мирного населения на оккупированных землях СССР и непосредственно геноциду рассмотрены в специальных публикациях [1, 2, 16–18 и др.]. Как бы не убеждали авторы в точности своих оценок и расчетов потерь именно мирного населения в период ВОВ на основе сравнения демографических показателей, представления об абсолютных величинах и их приуроченности к определенным географическим точкам и регионам меняются.

Такие цифры не могут быть точными в связи с тем, что и у оккупантов, и у ГЧК, и у современных авторов гражданские потери обычно включают военнопленных, перемещенных лиц и т.д. Трудно объединить жертв карательных операций, плановых бомбардировок мирных городов (только в Ленинграде, Киеве, Минске, Сталинграде, Смоленске, Великом Новгороде и других городах погибло в результате бомбежек суммарно несколько сот тысяч мирных граждан) и умерших от истязаний в концлагерях, от голода, на принудительных работах в Германии. До сих пор не оценены потери пациентов, которых не успели эва-

куировать вместе с медицинскими учреждениями, в том числе психиатрическими, которые были уничтожены оккупантами полностью. Кроме того, как мы знаем, цифры гражданских потерь не всегда попадали в статистику отдельно. Сами же оценки людских потерь менялись по мере отдаления от событий ВОВ коренным образом.

В 1946 году И.В. Сталин дал первые идеологически выдержанные оценки – всего 7 млн человек (для внутреннего пользования – 15 млн), затем после работы ЧГК и дополнительных оценок эта цифра была доведена до 16 млн 392 тысяч человек (из которых мирного населения на оккупированных территориях было 6 млн 716 тысяч человек), а уже во времена Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева была озвучено и на долгие десятилетия закреплена оценка потерь в 20 млн [13].

В начале перестройки в годы правления М.С. Горбачева в 1989 году была создана «Государственная комиссия по исследованию числа человеческих потерь СССР в Великой Отечественной войне» с участием представителей РАН. Она определила и озвучила в 1990 году на заседании Верховного совета СССР суммарные потери в 26,6 млн. чел. Эта цифра сохранялась и при Б.Н. Ельцине. В этот период наметился всплеск интереса к проблеме, и появились сотни независимых оценок общих потерь во время ВОВ – от 20 до 40 млн [12, 13], с закономерно превосходящими потерями мирного населения над военными.

Для сравнительно-географического анализа оценок людских потерь 1941–1944 годов на оккупированных территориях мы использовали только официальные данные о прямых потерях: гибель при проведении военных операций, расовых чисток, при уничтожении населенных пунктов, в том числе при бомбежке городов (например Сталинграда – уничтожено почти 40 тысяч жителей), в результате массовых казней, смерти от голода, смертей в блокадном Ленинграде (до 1,5 млн человек) и в концентрационных лагерях, умерщвление пациентов больниц и др.

Накануне 80-летия Великой Победы в 2024 году Библиотека МГПУ опубликовала аннотированный список публикаций «Геноцид советского народа в годы Великой Отечественной Войны», включающий 120 страниц [16], а Росстат представил в 2025 году обновленные данные о людских потерях в период войны – «Великая Отечественная Война. Цифра Победы»⁵, где при сохранении суммарной оценки потерь в 26,6 млн. чел., уточнены гражданские потери – 13,7 млн. человек, в том числе. 7,4 млн были намеренно истреблены, 2,1 млн погибли на принудительных работах в Германии, а 4,1 млн умерли от условий жизни во время оккупации. Кроме того, к юбилею опубликованы новые материалы Прокуратуры Российской

² <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogogo-dela-o-genotside/iz-materialov-ugolovnogogo-dela/akty-chrezvychaynoy-gosudarstvennoy-komissii/>

³ https://khorinsk.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1277.html

⁴ <https://expert.ru/obshchestvo/rosstat-raskryl-dannye-poter-v-velikoy-otechestvennoy-voyne/>

⁵ <https://rg.ru/2025/05/05/vyshel-tretij-sbornik-velikaia-otechestvennaia-vojna-cifry-pobedy.html>

Федерации по геноциду [1, 18]. И во всех случаях присутствует важная информация по географии преступлений.

Главная особенность большинства прошлых и современных оценок людских потерь СССР в период Великой Отечественной Войны состоит в том, что в них *преобладают потери мирного населения на оккупированных территориях*. Причем эта закономерность прослеживается и у отечественных авторов, имеющих доступ к новым, постоянно открывающимся источникам информации, и у зарубежных исследователей [19]. Это свидетельствует о том, что в целях и стратегических планах Третьего Рейха в отношении СССР доминировали политико-географические позиции, связанные с геноцидом населения и освобождением «жизненного пространства».

Особо отметим первые оценки, проведенные в рамках деятельности ЧГК, в некоторых актах которой были объединены данные об уничтоженных мирных гражданах вместе с военнопленными, отсутствовали указания на число мирных граждан, уничтоженных в период эвакуации. Для многих регионов выявлены новые факты и новые места захоронения и массового уничтожения мирных жителей. Причем для некоторых из них, например, для Псковской, Новгородской, Ленинградской, Тверской (Калининской), Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Крым дополнения столь существенные, что меняется сама возможная интерпретация количественных оценок потерь.

Чтобы не давать критикам-историкам повод для обвинений автора в незнании современной литературы по рассматриваемой проблеме, например известных работ по истории Великой Отечественной Войны академических и военных историков – В.А. Золотарева, А.В. Исаева, Ю.А. Петрова, К.А. Залесского, А.Ю. Сидорова и многих других, в также издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов в 12 томах.» под редакцией С.У. Шойгу, подчеркну, что они знакомы автору, но, на мой взгляд, не несут дополнительной информации для анализа политико-географических проблем геноцида.

Может быть, автору-географу удастся направить обсуждение проблемы геноцида от историко-статистического и демографического стереотипа в русло его мотивации врагом – «борьба за пространство и ресурсы». Эта угроза как никогда актуальна в наши дни, и есть ее примеры в современной политике стран Запада, которые менее чем на 50% (как и накануне войны у Германии и союзников) обеспечены потенциалом природного капитала и жизненного пространства для экономического развития (наши оценки). Здесь следует отметить геноцид местного населения в связи с ландшафтно-экологическими последствиями уничтожения природной среды и их аналогии с современной ситуацией в ДНР,

ЛНР, Херсонской и Запорожской областях и проявлениями геноцида в районах Курской и Белгородской областей, аналогичными фактам геноцида местного населения и уничтожению природных комплексов с начала с 2014 года и особенно после 2022 года.

Политико-географический взгляд на геноцид населения СССР в период Великой Отечественной Войны

Выход в свет в 2016 году перевода книги Роберта Каплана «Месть географии» [20], в которой с позиций жесткого географического детерминизма говорится о месте политической географии в жизни государств, в определении целей и стратегий их развития, идеологии и формирования геопространства, вынудил меня вспомнить применительно к проблеме геноцида советского народа во время Великой Отечественной Войны работу В.Г. Маккинтера [21] с его геополитической теорией «heartland» – «срединной земли», «оси истории» в Евразии, ассоциированной с территорией Российской империи/СССР. Накануне Великой Отечественной Войны в Советском Союзе практически отсутствовала политическая география как наука, способная формировать основы устройства и сохранения геополитического пространства страны. Ее подменяли в некотором смысле идеология и директивные решения в отношении границ, национальных автономий, пространственного развития и международного сотрудничества. Достаточно посмотреть на политико-административное устройство СССР в 1920–1930-х годах, чтобы понять слабость геопространственных моделей развития того времени. Ленинская модель политико-географического устройства СССР с его же делением страны на экономические районы и национальные образования не была адаптирована к современности, тем более – к противостоянию Третьему рейху и его южных (Турция) и восточных (Япония) союзников. Академическая география в отношении государственных границ, внешних угроз и конфликтов в те годы развивалась в соответствии с директивными указаниями, а точнее – практически не развивалась.

Издержки отсутствия адекватных политико-географических решений сказались на возникновении советско-финского военного конфликта 1940 года, на слишком поздних геопространственных стратегических решениях в отношении «западных территорий», что в дальнейшем с началом войны создало условия для массового коллаборационизма в связи с ограниченными масштабами эвакуации населения с занимаемых врагом территорий.

Чтобы понять политико-географические аспекты генезиса геноцида населения СССР на оккупированных Третьим Рейхом землях, надо вернуться к развитию политической географии Германии после

Первой Мировой войны. Немецкая геополитика в то время развивалась на основе политической географии Ф. Ратцеля, который, рассматривая государство как биологический организм, действующий согласно биологическим законам, вывел теорию «*пространственного роста государства*» – «*растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности*». Нации с растущим населением, которому требуется больше территории, должны завоевать ее, превратив в необитаемую «*через убийство и перемещение*» [22]. Ранее в книге «*Der Lebensraum*» он обосновал, что растущее население Германии и Европы в целом особенно нуждалось в колониях, но не за океаном, а здесь, в Евразии – «*heartland*». Эта концепция стала важным элементом восстановления немецкой уверенности в своем превосходстве и обоснования захватнических целей войны с СССР. Практически все общество стало жить новыми идеями политической географии о необходимости «жизненного пространства» – «*Lebensraum*». Ключевыми понятиями в немецком обществе в предвоенные годы стали «*кровь и почва*», «*сила и пространство*», «*народ без пространства*», «*большое пространство*», «*осознание границ*», «*новый порядок*».

Прародителем немецкой геополитики и идеологом собственно нацистского экспансионистского проекта был выдающийся географ Карл Хаусхофер – президент Немецкой академии наук. Он поддерживал Гитлера в агрессии против СССР, в идее захватить «*heartland*», а отдельные главы «*Main Kampf*», по мнению Р. Каплана [20] были написаны под прямым влиянием идей К. Хаусхофера. Основанный на его работах проект гитлеровской экспансии («*планируемый геноцид*» народов СССР) лег и в основу «*плана Бакке*» и «*плана «Ост»*», которые должны были реализоваться в трех основных направлениях: (1) полное господство в Центральной и Восточной Европе, перекраивание восточно-европейских границ, уничтожение и выселение в Сибирь 20–30 млн человек населения европейской части СССР, устранение здесь «этнической неоднородности» (уничтожение славян, евреев, цыган, татар, представителей кавказских народов и т.д.), как возможного «*разрушающего фактора*»; (2) «*проникновение на Восток*» для приобретения «недостающего жилого пространства», геостратегических, транспортных, сырьевых, аграрных и промышленных областей, необходимых Третьему рейху, в первую очередь захват славянских земель на востоке и юго-востоке; (3) определение нового мирового порядка и убеждение мировой общественности в справедливости его создания (по сути – одна из моделей однополярного мира).

Это было в преддверии 2-й Мировой войны. А через 80 лет после Победы СССР в Великой Отечественной Войне начался, как мы сейчас видим, новый виток ев-

ропейской истории с географией, обоснование расширения «жизненного пространства на Восток», перекройка границ, планы разделения России и по сути захвата новых земель и ресурсов, в том числе через геноцид (не будем приводить цитаты некоторых европейских политиков уже третьего десятилетия XXI века и их постоянную русофобскую риторику). И игроки – те же: практически вся Европа, но теперь объединившаяся не вокруг Третьего Рейха – фашистской Германии, а вокруг НАТО. Как и накануне нападения на СССР всплывают политико-географические мотивы таких европейских геополитических игроков, как Польша с ее планами *Великой Польши* «*Пильска Имперша от може до може*», *Великой Румынии* с землями Молдовы и некоторыми украинскими территориями, *Великой Финляндии* (*Suuri-Suomi*) с территориями Карелии и Архангельской области до Урала, *Великой Украины* (*Велика Україна*) с включением многих исторических русских земель, Норвегия с ее идеей «*поморской идентичности*» в *Баренцево-Евро-Арктическом регионе*. Практически во всех этих случаях подразумевается освобождение территории от коренного населения России, то есть по сути геноцид. А значит, идеология неокOLONIALИЗМА спустя 80 лет после Победы сохраняется. И исследовать его возрождение должны не только историки, но и географы. Тем более, что возрождение отечественной политической географии начинается на таком фоне, который требует ее оперативного включения в практику принятия решений на государственном уровне. Например, известная еще со времен З. Бжезинского карта «разделения СССР» почти совпадала с картой рейхкомиссариатов «гражданского» управления оккупированных во время ВОВ земель СССР, где Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ выступают самостоятельными государственными образованиями, а на европейской части создается маленькая «Россия» (без Санкт-Петербурга и многих черноземных земель).

Пространственно-временной вектор геноцида мирного населения на оккупированных землях

Дополнительным аргументом в пользу признания преднамеренного уничтожения мирного населения оккупированных земель СССР геноцидом является и тот факт, что оно началось сразу с началом военных действий и продолжалось без остановки вплоть до освобождения оккупированных территорий. Непосредственное количество жертв и динамика потерь с продолжительностью оккупации связана только в случае с нарастающей гибелью мирного населения от голода, например в блокадном Ленинграде⁶.

⁶ https://spb.aif.ru/society/people/blokada_v_cifrah_strashnaya_statistika_iz_osazhdennogo_leningrada

Площадь временно оккупированных территорий СССР в период ВОВ была максимальной в сентябре 1942 года – 1 926 тыс. км², то есть 8,75% площади страны (рис. 1), но к 7 ноября 1944 года все они были освобождены (рис. 2), кроме так называемого «курляндского загона» (на территории Латвийской ССР), который де-юре освободили 8 мая 1945 года. В период максимальной оккупации ее восточная граница про-

ходила по диагонали от западных районов Карело-Финской АССР через восточные территории Ленинградской, Калининской, Московской областей, города Воронеж, Сталинград и аулы Ногайского района Дагестана. Акты геноцида зафиксированы повсеместно.

Единовременный максимум населения под оккупацией Германией и ее союзниками (на юге – Румынией, на севере – Финляндией) составлял 84,852 млн чело-

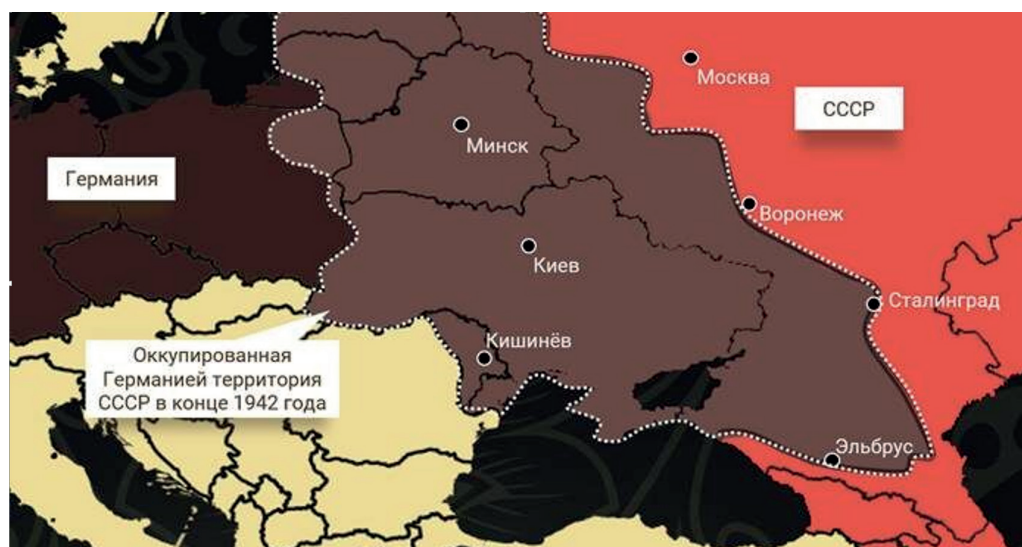

Рис. 1. Положение линии максимальной по площади оккупации Европейской части СССР на сентябрь 1942 г. По открытым источникам интернета.

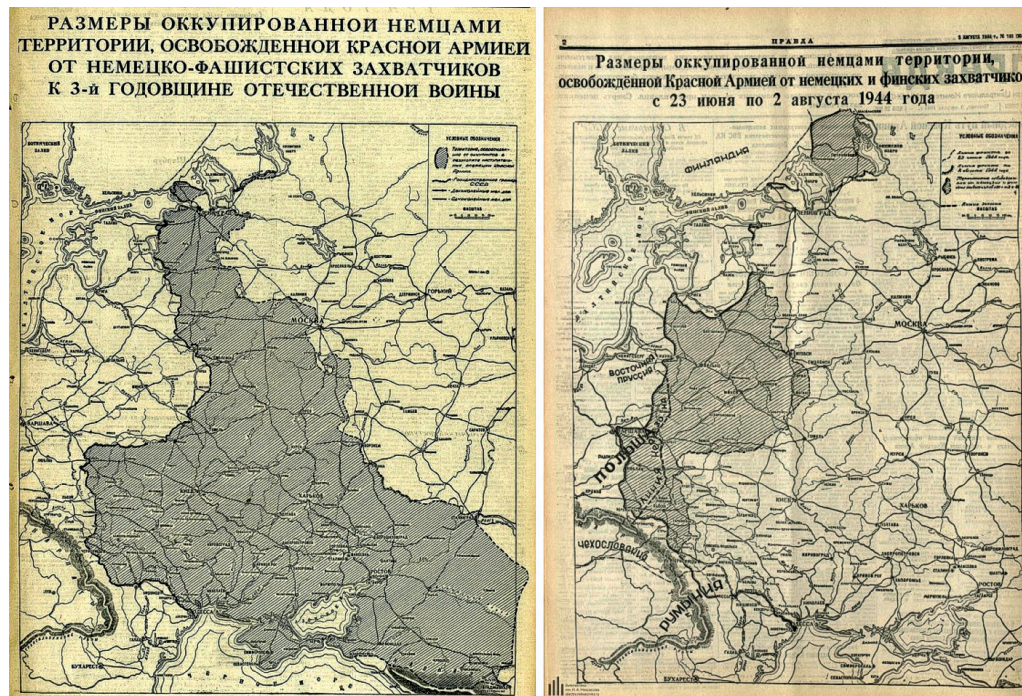

Рис. 2. Освобожденные от немецко-фашистских захватчиков оккупированные территории СССР 22 июня 1944 года (слева) и с 23 июня по 2 августа 1944 года (справа). Источник: газета Правда, 23 июня 1944 года, 3 августа 1944 года)

век – 44,5% населения СССР [12, 17, 23]. Уничтожение мирного населения начиналось согласно планам оккупации сразу, происходило осознанно и включало как прямые (массовые казни, уничтожение людей вместе с жильем и так далее), так и косвенные действия (помещение в концлагеря и гетто, создание условий для голода и болезней, принудительная депортация в Германию и другие страны.

Географический и политико-административный вектор геноцида мирного населения на оккупированных землях СССР 1941–1944 годов

В основе всех действий захватчиков (немцев и их союзников – французов, итальянцев, испанцев, румын, финнов и др.) и коллаборационистов (литовских, латвийских, эстонских, украинских и др.) в отношении местного населения в период оккупации лежали идеи захвата земель и ресурсов, «освобождения/расширения» жизненного пространства для жизни. В соответствии с этим строилась политико-административная организация оккупированных земель, которые были разделены на области гражданского и военного управления. В них среди основных функций управления выделялись карательные функции, направленные по сути на геноцид населения. Это следует из того, что еще до начала войны с СССР Германия сформировала 18 комендатур тыла, 58 полевых комендатур и 181 гарнизонную комендатуру. Они подчинялись так называемому Восточному министерству, осуществляющему военное управление оккупированными землями [24]. Непосредственно в областях гражданского управления были созданы «рейхскомиссариаты». Планировалось, что на оккупированных территориях СССР таких будет пять. Их главная задача была проводить политику германизации и готовить территорию к присоединению к Третьему Рейху. Фактически за период оккупации было создано только 2 рейхскомиссариата – «Остланд» с округами Белоруссия, Литва, Эстония и «Украина» с округами Волыно-Подольский, Николаевский, Таврический и др. (в планах были еще – Воронежский, Ростовский, Саратовский). Третьей формой политико-административного вектора с особым режимом карательных действий были «псевдогосударственные образования» на территориях Прибалтики и Молдавской ССР и юга-запада Украинской ССР. Там действовали госссоветы (Литва), генеральные директораты (Латвия, Эстония), губернаторства (Бессарабия и Транснистрия). Отличительной чертой геноцида практически во всех областях «гражданского» управления оккупированных земель СССР, на наш взгляд, является более высокий уровень истребления местного населения (по сравнению с областями военного управления) и доминирую-

щее участие коллаборационистов в этом. Последних, объединенных в подразделения Вспомогательной полиции и другие военные и полицейские образования, к 1943 году насчитывалось более 330 тыс. человек [24].

Поиски пространственных закономерностей в проявлении геноцида снимают все попытки объяснить высокие потери мирного населения на оккупированных территориях СССР *только ответными карательными действиями* против широкого партизанского движения и работы подполья. Например, в качестве ключевых исполнителей борьбы с партизанами и подпольем выделяются *айнзатцкоманды и гестапо*, численность которых по разным оценкам составляла до 40 тыс., на руках которых миллионы жертв мирных граждан. Наша точка зрения такая: репрессии и уничтожение «лишнего» населения были заложены изначально в задачи германизации и присоединения этих территорий к Третьему Рейху. Как доказательство – проявления геноцида на территориях, где деятельность подполья и партизанского движения, особенно в первый период оккупации, отсутствовала, а казни и репрессии в отношении мирного населения определенных национальностей и социальных групп проходили сразу. Представлять айнзатцкоманды и гестапо единственными исполнителями планов Третьего Рейха в отношении «очистки территории» от лишних людей не следует.

Выявляемые пространственные особенности геноцида на оккупированных территориях СССР в период 1941–1944 годов имели следующие особенности.

Первое – проявление геноцида было повсеместным, но с разными масштабами и интенсивностью, не зависящими от продолжительности оккупации. Это лишний раз доказывает, что геноцид был осознанным и был направлен конкретно на выполнение политико-географической доктрины Германии. Примером может служить карта массовых казней, гетто и концлагерей, подготовленная Научно-просветительским центром «Холокост»⁷, и карта уничтожения гражданского населения Белоруссии⁸, где за время оккупации было уничтожено не менее 3,0 млн мирных жителей, почти 10 тыс. деревень и сел, из которых около половины (4667) уничтожено с частью жителей, а 628 деревень сожжено вместе со всеми жившими в них людьми, то есть картографирование мест геноцида сводилось бы к нанесению на карту уничтоженных деревень (Рис. 3). Аналогичную ситуацию демонстрирует и распространение мест массового уничтожения населения оккупантами в Ленинграде и Ленинградской области [25]. Последние примеры демонстрируют то, что о пространственных закономерностях геноцида можно говорить условно – он был всюду.

⁷ https://vk.com/photo-46237292_457239652

⁸ <https://dzen.ru/a/ZidgEuzwf3O6hQ8I>

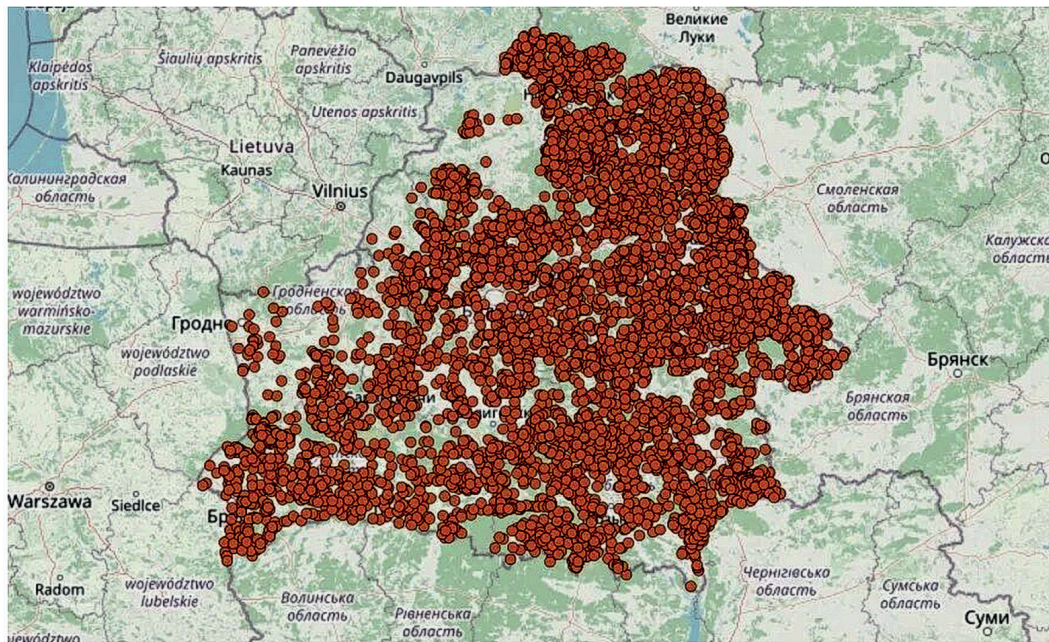

Рис. 3. Места массового уничтожения мирного населения на территории Белоруссии⁹

Второе – выявляются территории с наибольшей плотностью геноцидных действий. Они приурочены (а) к окраинным приграничным землям – западные и северо-западные территории (Карелия, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Смоленская области, Белорусская и Украинская ССР), (б) к южным и черноземным аграрным областям РСФСР с высокой плотностью населения (Курская, Белгородская, Брянская, Воронежская и Ростовская области, Крымская АССР), (в) к историческим областям «оседлости» еврейского населения в Российской Империи [4], где выявляется собственно так называемая «ось Холокоста» на оккупированной территории европейской части СССР, (г) к областям с высокой интенсивностью партизанского и подпольного движения (Белоруссия, Смоленская и Калининская области, Донбасс...) и (д) к городам с многонациональным составом населения – республики Прибалтики, Белорусской ССР, восточные и южные области Украинской ССР, Крымской АССР, южные области РСФСР, включая Северный Кавказ.

В.Г. Кикнадзе [17] уточнил и цифры и географию геноцида на оккупированных землях СССР в 1941–1944 годах. При этом он отметил, что юридически по результатам судебных процессов в субъектах Российской Федерации, где установлено преступление, потери местного населения составили 6 млн 350 тыс. В Заявлении Госдумы Российской Федерации от 22 марта 2023 года представлена общая цифра потерь местного населения в ВОВ – 13 млн 685 тыс., а исторически обоснованное количество с учетом всех потерь – 19 млн 800 тыс. [17]

⁹ <https://dzen.ru/a/ZidgEuzwf306hQ8I>

Именно такой подход позволяет до конца понять «географию геноцида» на оккупированных землях СССР в 1941–1944 г. и оценить возможные последствия полной реализации первого этапа планов Гитлера, подразумевавшего захват земель европейской части СССР по линии Архангельск, Казань, Астрахань, Азербайджана и Грузии. И для этих регионов планировались карательные акции на всех «освобожденных территориях».

Национальный вектор геноцида мирного населения на оккупированных землях СССР

Национальный вектор геноцида определяется не только национальным составом его жертв, но и составом тех сил Третьего Рейха и коллаборационистов, которые проводили акции геноцида. В первом случае большую роль играет историко-географический фактор. Например: приуроченность многих территорий геноцида (1) к районам оседлости еврейского населения царской России, (2) к областям принудительной колонизации населения на Западной Украине («волынская резня» и др.), (3) к исторически сложившимся местам массового проживания цыган на территории Украинской ССР, Молдавской ССР, в Смоленской, Ленинградской и Псковской областях, (4) к районам широкого распространения партизанского движения в Белорусской ССР, Смоленской, Тверской (Калининской) областях и других западных областях СССР, (5) к районам, планируемым для оперативного переселения населения Германии на «освобожденные земли», (6) к некоторым черноземным областям (Ростовская и другие области) и Крымской АССР.

Понятно, что нельзя массовое уничтожение гражданского населения на оккупированных землях СССР в 1941–1944 годах сводить только к холокосту [3, 4] или, как это делается в некоторых изданиях [26], к геноциду славянских народов по нацистскому плану Ost, согласно которому уничтожению и переселению на восток подлежало 85% населения оккупированных земель европейской части СССР. Сравнительно-географический и статистический анализ потерь мирного населения на оккупированных землях в 1941–1944 годах демонстрирует иное. Наиболее показательные примеры:

- уничтожение многонационального мирного населения Ленинграда во время блокады (по разным оценкам около 1,5 млн человек) и населения ленинградских пригородов (как демонстративной акции «освобождения» территорий для переселения «правильных людей» из Германии и ее союзников);

- миллионные потери мирного населения Украинской ССР и Белорусской ССР, среди которых преобладали жертвы, относящиеся к титульной нации, и евреи [2, 15];

- гибель мирного населения на территории Краснодарского края, важного для фашистской Германии плацдарма захвата Кавказа, где массовые расстрелы и истребление населения в походных газовых камерах происходило в населенных пунктах с многонациональным составом населения (в Новороссийске 7–000 человек, в Майкопе – 2056, в Тихорецке – 600, в Крымском – 1558, в станице Белореченская – 272, в станице Усть-Лабинская – 400) [18];

- уничтожение мирного населения Калининской (ныне Тверской) области, находящейся более двух лет под оккупацией, где полностью разрушено около 9 тыс. населенных пунктов, 1400 школ, 120 детских садов, 380 больниц, убито более 65 тыс. человек, около 23 тыс. человек угнано в Германию¹⁰.

Все проявления этой стороны национального вектора геноцида на оккупированных землях СССР в 1941–1944 годах, когда жертвами идеологической и расово-религиозной ненависти стали миллионы людей, надо тщательно проанализировать. Они не должны исчезнуть бесследно для общественного сознания. Их сохранением и занималась Генеральная прокуратура России и ее региональные подразделения накануне 80-летия Великой Победы [1, 18].

Второе направление национального вектора геноцида на оккупированных землях СССР в 1941–1944 годах связано с национальным составом карателей. Если в первые годы после освобождения оккупированных территорий на так называемых «советских Нюрнбергах» (Краснодар, Харьков, Рига, Минск, Ленинград, Киев, Ростов и др.) по решениям судов казнили преи-

мущественно немецких нацистов, руководителей зондеркоманд СС, айнзацгрупп и пр., то после открытия архивов и по результатам специальных расследований стали всплывать и факты участия представителей других стран и народов.

Во-первых, это украинские, прибалтийские (эстонцы, латыши, литовцы) и белорусские коллаборационисты. Во-вторых, воинские соединения союзников Германии – Финляндии (участие в блокаде Ленинграда, массовые казни и создание концлагерей в Карелии), Румынии (участие в карательных операциях в Одесской области, в Крымской АССР и на Кавказе), Венгрии («Карпатская группа», участие в карательных операциях против мирного населения Украинской ССР, Воронежской и Брянской областей), Испании («Голубая дивизия» участвовала в блокаде Ленинграда и уничтожении мирного населения Ленинградской, Новгородской и других областей), Италии (участие в карательных операциях на территории Украинской и Молдавской ССР), Хорватия (помимо геноцида сербов на Балканах в СССР отмечалась участием в борьбе с партизанами и в казнях мирного населения: «Хорватский легион» отличился в Воронежской, Сталинградской, Донецкой, Полтавской и других областях).

На счет перечисленных выше исполнителей актов геноцида против мирного населения можно записать миллионы жертв, особенно на счет украинских, эстонских (Эстонская дивизия СС «Эстланд»), латышских (Латышский легион СС) и литовских (отдельных литовских национальных военных образований не было, но это не исключает участие литовцев в карательных операциях) коллаборационистов, которые участвовали в массовых казнях и других акциях против мирного населения не только на своих землях, но и на соседних территориях.

Так, Организация Украинских Националистов (ОУН), на счету которой сотни тысяч убитых мирных евреев, украинцев, поляков и русских и тысячи сожженных с людьми деревень, действовала не только на Западной Украине, но и составляла костяк карательных органов Германии на других оккупированных территориях. Прибалтийские коллаборационисты «отметились» в массовых казнях евреев, белорусов, русских, украинцев и в уничтожении деревень Псковской, Новгородской, Ленинградской областей, в Украинской, Белорусской.

Национальный аспект, как и представления об особенностях пространственного проявления геноцида важны для его правильного понимания этого фрагмента истории при нарастающем использовании искусственного интеллекта для его воспроизведения в условиях тенденциозности и откровенных подтасовок¹¹.

¹⁰ <https://tvr.aif.ru/society/details/priznat-genocidom-v-tverskoy-oblasti-zavershilsya-istoricheskiy-process>

¹¹ <https://topwar.ru/179177-poteri-sredi-mirnogo-naselenija-v-1941-1945-fejki-i-fakty.html>

Заключение

Оккупация территорий Европейской части СССР в период Великой Отечественной Войны охватывала максимально 1926 тыс. км², то есть 8,75% площади страны с населением около 88 млн человек и продлилась для разных регионов от года до трех лет. По разным оценкам потери гражданского населения здесь в абсолютных и относительных цифрах превышали военные потери и были настолько велики, что позволяют квалифицировать действия Германии и ее союзников как геноцид мирного населения.

Методологически в основу нашего анализа, выполненного с позиций политической географии, были взяты официальные согласованные на 2025 год оценки общих потерь в войне – 26,6 млн человек, уточненные гражданские потери – 13,7 млн человек, в том числе 7,4 млн были намеренно истреблены во время карательных операций, 2,1 млн погибли на принудительных работах в Германии, а 4,1 млн умерли от условий жизни во время оккупации.

К этому можно добавить и несколько сот тысяч мирных жителей, погибших в городах и других населенных пунктах при их бомбежках в 1941–1944 годах (например в Киеве, Минске, Одессе, Ленинграде, Сталинграде и др.).

В основе всех действий в отношении мирного населения СССР у оккупантов (немцев, французов, итальянцев, испанцев, румын, финнов и др.) и коллаборационистов (украинских, литовских, латвийских, эстонских и др.) лежали нацистские идеи «освобождения/расширения» жизненного пространства. Они были сформулированы крупными немецкими политико-географами К. Хаусхофером и Ф. Ратцелем. Их идеями Германия руководствовалась, планируя карательные операции на оккупированных землях, находящихся под гражданским и под военным управлением, для чего еще до начала войны с СССР были созданы специальные государственные службы, комендатуры и военно-полицейские подразделения, а с началом войны еще и специальные команды из местных коллаборационистов.

Нами выявлены некоторые политико-географические особенности геноцида на оккупированных территориях СССР в период 1941–1944 годов, касающиеся собственно временного, пространственного и национального векторов преднамеренного уничтожения местного населения для перемещения немецких колонистов и расширения земель для экспансии некоторых союзников. Поэтому проявления геноцида на оккупированных территориях СССР, предназначенных для новых поселенцев, были повсеместными, но с разной интенсивностью и масштабами, не зависящими от продолжительности оккупации. Это доказывает, что геноцид был не спонтанным (например, как ответ на партизанское и подпольное движения), а

осознанным и направленным конкретно на выполнение политико-географической доктрины.

Выявляются территории с наибольшей плотностью геноцидных действий, приуроченные к землям будущих немецких поселений – Прибалтика, Беларусь, Украина, Крым, юг европейской России; к окраинным приграничным землям на западе и северо-западе (Карелия, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Смоленская области) и к южным и черноземным аграрным областям с высокой плотностью населения (Курская, Белгородская, Брянская, Воронежская и Ростовская области), а также к областям и городам с высокой плотностью еврейского населения (в значительной степени совпадающими с историческими границами «черты оседлости» в Российской империи) и к местам миграции в СССР евреев из стран Европы, оккупированной Третьим Рейхом.

Анализ географии геноцида отражает и еще одну его пространственную особенность – приуроченность к территориям, на которых активно действовали карательные подразделения коллаборационистов. Кроме того, геноцидные действия врага сопровождались уничтожением природного комплекса (вырубкой лесов, выжиганием степей, нарушением гидрологического режима оккупированных территорий и так далее), что делало невозможным проживание местного населения и усиливало демографические последствия геноцида.

Мы никогда не сможем дать полную картину и оценить истинные потери мирного населения на оккупированных землях СССР в 1941–1944 годах. Есть много факторов, препятствующих этому, – отсутствие достоверной дифференцированной статистики (то есть статистики, отделенной от гибели военных и военнопленных), очень приблизительные оценки численности перемещенных, депортированных и эвакуированных лиц с оккупированных ранее территорий, отсутствие качественной информации по демографии населения европейской части СССР, сохранение секретности части архивных материалов и, возможно, даже просто их медленное вовлечение в оборот из-за конъюнктуры. По-видимому, часть документов, касающихся ситуации с геноцидом и участием в нем коллаборационистов и национальных команд из стран Восточной Европы – например, участников Варшавского договора, были в послевоенный период уничтожены. Все эти позиции, увы, сохраняются с самого начала работ по установлению фактов геноцида населения оккупированных территорий СССР в 1941–1944 годах, то есть с начала работы «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям,

государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)» [27]¹².

Наша задача – активнее выявлять полную картину геноцида на оккупированных землях СССР, чтобы осудить исполнителей и предупредить повторение геноцида, например, как это происходит на Донбассе и Новороссии и могло повториться в Крыму. Поми-

мо юристов, политиков и историков, как показывает опыт нашего анализа, данная проблема укладывается в сферу исследований географов.

← *Финансирование. Работа выполнена в рамках темы государственного задания Института географии РАН FMWS-2026-0002*

Литература

1. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. М.: 2025.
2. Кривошеев ГФ, Андроников ВМ, Буриков ПД, Гуркин ВВ. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече; 2009.
3. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М.: РОССПЭН. 2011.
4. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд Ва-Шем; 1991.
5. Швед АИ, ред. Геноцид белорусского народа. Карательные операции. Минск: Генеральная прокуратура Республики Беларусь, 2024.
6. Веригин СГ. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022;44(6):ю75-82. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.799
7. Романько ОВ. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941 – 1944). Симферополь: Антиква; 2009.
8. Савченко АС. Нацистская политика геноцида в годы оккупации Симферополя (1941–1944 гг.). Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2023;9(3):131-42.
9. «...И ничто не забыто»: Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941-1944). Новгород: Кириллица, 1996. 192 с.
10. Асташкин ДЮ, Ковалев БН, Кулик СВ. Оккупация, сопротивление, возмездие: нацистский режим на Новгородской земле. Великий Новгород, 2016.
11. Елисеев ВТ, Михалев СН. Так сколько же людей мы потеряли в войне? Военно-исторический журнал. 1992;(6-7):31-4.
12. Евдокимов РБ, ред. Людские потери СССР в период второй мировой войны: Сборник статей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц»; 1995.
13. Рыбаковский ЛЛ. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ; 2010.
14. Земсков ВН. Остается ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941-1945 гг. Изв Самарского науч центра РАН. 2015;17(3):115-7.
15. Земсков ВН. Людские потери СССР в 1941-1945 гг. (к вопросу о степени достоверности имеющихся подсчетов). Труды Института российской истории РАН. 2017(14):97-122.
16. Геноцид советского народа в годы Великой Отечественной Войны. М.: Библиотека МГПУ; 2024.
17. Кикнадзе ВГ. Количество жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны. Наука Общество Оборона. 2025;13(1):1-1.
18. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР Том 2. М.; 2025.

¹² <https://apni.ru/article/7164-rol-chrezvichajnoj-gosudarstvennoj-komissii>

19. Engel BA, Martin J LB. Russia in World History. Oxford: Oxford University Press: 2015.
20. Каплан Р. Месть географии. М.: КоЛибри, Азбука Атрикус: 2016.
21. Mackinder HJ. The Geographical pivot of history. Geograph J. 1904;23(4):421-37.
22. Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. München: de Gruyter Oldenbourg;1903
23. Морозов СД. Мужчины, женщины и дети на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной Войны. Численность и потери. Женщина в российском обществе. 2015;(2):39-50.
24. Жуков Д. Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция. Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010;(2):38-44.
25. Зиновьев Д. Абсолютное зло. Геноцид населения Ленинграда и Ленинградской области в годы оккупации Невы. 2023;(5):180-201.
26. Волков ГЮ. Планы нацистского руководства Третьего Рейха по оккупации СССР. Вестник Костромского государственного университета. 2020;26:61-7.
27. Альферова ИВ, Блохин ВФ. Основание и деятельность Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.). Исторические науки и археологии. 2020;(4):8-19.

